

БЮЛЛЕТЕНЬ

Газета №

Москва

Декада бурят-монгольского искусства в Москве

Замечательные спектакли

Три спектакля, показанные во время декады бурят-монгольского искусства, — три ступени в музыкальном развитии и театра и, в сущности, всей художественной культуры республики. Первый из спектаклей — «Эржэн» — это еще только драматическая пьеса с необычным количеством вставных музыкальных номеров. Музыка здесь еще не является фактором, движущим драматургию произведения. Ей отведена гораздо скромнейшая роль: в ми-пугах высокого драматического напряжения персонажи «Эржэна» вместо прочноувязавших монологов изливают обуревавшие их страсти в песне. Кроме того, музыка избегает проторенных путей, уже не раз испробованных в свое время авторами музыкальных спектаклей и перед отдельными картиными вводит зрителя в настроение предстоящего драматического фрагмента.

Отсюда и роль композитора — В. И. Моринкина — оказалась довольно ограниченной. Ему надлежало использовать поэтические фольклорные налеяя (примущественно современную советскую народную бурят-монгольскую песню), обработав их так, чтобы она звучала в остроумье. Подлинно оперно-симфонического развития в «Эржэн» нет, да и, собственно говоря, не может быть.

Следующим шагом был «Байар», созданный уже в форме так называемой музыкальной драмы.

Этот тип музыкально-драматического спектакля хорошо известен нам по опыту предыдущих национальных декад «Фархад и Ширин» и «Гюльсары», «Алтын-Кызы» и «Алжан-орунды», например, дают достаточно отчетливое представление о том, что такое эта музыкальная драма. Музыка занимает здесь довольно существенное место, хотя далеко не заполняет всего действия. Наоборот, кульминационные точки развития нередко даются здесь в виде драматических диалогов и сцен, лишь в порядке исключения поддерживаемых оркестровым сопровождением.

Наконец выросла за это время и бурят-монгольская драматургия в соб-

ственном смысле слова. Опять-таки спранили три произведения, которые увидели мы в спектаклях декады. «Эржэн» (текст И. Бодалло и И. Эдель) — рассказ о двух влюбленных: Эрже — бурят-монгольской девушке и Андрее — русском, отдающим все свою силу и знания работе в бурят-монгольском животноводческом совхозе «Саленга». Острый драматический конфликт здесь нет и в помине, и эта пьеса может рассматриваться лишь как подступ к разрешению действительных задач драматургии.

«Байар» (текст Г. Пыденжапова и А. Шадева), так же как и «Энх» — булат батор» (текст И. Бодалло), — свидетельство уже зрелительной драматургической зрелости. Резкая противостоятельность сил, яркость характеристики, динамика и логика сюжетного развития — все это свидетельствует о том, что молодая бурят-монгольская оперная драматургия успела уже уйти вперед от своего первого (столкнувшегося!) робкого опыта.

Байар и Энх — воплощение идеальных сторон народного духа. Их облик отличают смелость, прямота, страстная преданность родине, целомудренность любви. И таким же ярко обрисованным вошли в сознание зрителях прекрасных являются героини произведения — Булаган в «Байаре» и Арион-Гокон в «Энхе». И тут и там ставились смыслись с образами деспотов-ханов, угнетающих народ, преследующих героев-баторов.

Сюжетная канва, перипетия фабулы в обоих произведениях различны, но тема одна: сквозь все пристрастия проповедует народ свою волю к победе, к радости, к счастью. И с этой точки зрения оба произведения, очень близкие к бурят-монгольской эпической поэзии, глубоко по содержанию и в конечном счете современны, но разве не такова вся историческая судьба бурят-монгольского народа, поглощаемых странным свершившимся своим угнетателем, вырвавшим из заточения своих любимых героев? Разве счастье Байара и Булаган, Энха и Арион-Гокона не символизирует счастья всего народа, обретшего, наконец, свободу!?

Мы видим, таким образом, как в кратчайшие сроки выросла культура театра, как в некоторые годы прошел он путь, который в иных условиях потребовал бы долгих десятилетий, если не столетий.

Наконец выросла за это время и бурят-монгольская драматургия в соб-

стенном смысле слова. Опять-таки спранили три произведения, которые увидели мы в спектаклях декады. «Эржэн» (текст И. Бодалло и И. Эдель) — рассказ о двух влюбленных: Эрже — бурят-монгольской девушке и Андрее — русском, отдающим все свою силу и знания работе в бурят-монгольском животноводческом совхозе «Саленга». Острый драматический конфликт здесь нет и в помине, и эта пьеса может рассматриваться лишь как подступ к разрешению действительных задач драматургии.

Среди исполнителей «Эржэн» особенно хочется отметить Ч. Гендуно-ва, И. Сыренова (Светлую). Esta пара юных влюбленных, робких в своем чувстве, да к тому же боевиков бездущесущих Жарбай — просто очаровательна.

Несомненным талантом озарена И. Петрова (Булган в «Байаре» и Арион-Гокон в «Энхе»), обладающая к тому же лучшим голосом в группе. Ее актерской игре, так же как и музыкальной трактовке, присуща лирическая теплота и задушевность. Местами же она оказывается способной подняться до настоящей патетики (например, в сцене с ханом во втором действии «Энха» — булат батора).

Хорошее впечатление произвела Б. Бодалков — исполнитель ролей обоих ханов в «Байаре» и в «Энхе». Особенно удалась артисту вторая роль. Скульптическим средствами очерчивается Бодалкою образ Бум-хана — злобного, мистического, подличного зловещего равнодушия скрывающего ярость пизменных страстей.

Исполнители ролей Байара и Энхи (В. Халматов и И. Батурина) в большей мере сприяли с зализой раскрытия лирических, нежели героических черт в характерах народных героев. Однако артисты там, где они силы, сумели показать себя с лучшей стороны.

Среди исполнителей остальных ролей спектаклей бурят-монгольского театра следует отметить Г. Пыденжапова, создающего глубокий и впечатляющий образ старика Шарлана в «Эржэн», пластичного И. Шагжала (Сута-мэрган в «Байаре»), выразительного в своих выражениях П. Николаева (Эрхэ-мэрган в «Энхе»), У. Хоборкова (Дархан в «Энхе»), П. Расильдеева (Содон-батар в «Энхе»).

Вообще уровень актерского исполнения следует признать для молодого театра весьма высоким. Несколько хуже обстоит де-

ло с вокальной школой. Артисты коллектива нуждаются еще в тщательной вокальной выучке.

Спектакли бурят-монгольского театра (в первую очередь «Байар» и «Энх») поражают своей яркостью и красочностью, великолепием костюмов, краской мизансцена. И постановщики (И. Туманов, Г. Цыденжапов, И. Бодалло), и художник (Г. Кигель) проявили много изобретательности в добывании оптических результатов. Как совершенно выдающееся достижение постановщика и балетмейстера (И. Моисеева), хочется отметить танец страшных масок — «Цым». Ожившие на сцене филиалы Большого театра устраивают и зловещие божества замистской религии, тигантская смерть с косой, фантастические чудески, соединяющиеся в отвратительной бесконтактной пляске, и рядом с ними драматический старец, защищающий хилье остатки своей жизни — все это сознательно забытые волшебные зрелице.

Балетмейстерская работа И. Моисеева и М. Аресянова вообще заслуживает высшей похвалы. На их долю выпала одна из самых трудных частей работы. Ведь если все виды искусств в старой Бурят-Монголии были так задержаны в своем развитии, то искусство танца было вытравлено ламзизмом почти пачисто. И нынешним художникам, призванным помочь народу в деле возрождения его культуры, в хореографической области придется начинать едва ли не с самого вакуума. Тем отрадней отметить не только «Цым», но и великолепные, буйные по движениям танцы из третьего действия «Энхи».

Превосходно показал себя хор бурят-монгольского театра, особенно в «Энхе», справляющийся с трудностями сложной полифонической партитуры. Среди трех смычанных нации дирижеров — К. Тихонравова, П. Берлинского и М. Борчадзе — первое место хочется поставить Берлинского. Впрочем, задача его облегчилась тем, что он дирижировал собственной музыкой. Вообще же оркестрово-сценический ансамбль в спектаклях декады если не так уж филигранен, то во всяком случае достаточно строен.

Д. РАБИНОВИЧ.